

Социология культуры: ценности и идентичность

© 2006 г.

ТА. РАССАДИНА

ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЯН В ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД

РАССАДИНА Татьяна Анатольевна - кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Ульяновского государственного университета.

Кризисные периоды в истории народов и государств характеризуются возрастанием интереса к проблеме национального самосознания, в основе которого лежит глубокий пласт духовной культуры - традиционные ценности, сохраняющиеся на протяжении истории, хотя и претерпевающие изменения.

Центробежные социальные процессы в нашей стране на рубеже 1990-х годов, радикальное политическое и экономическое реформирование и начало активной интеграции России в мировое сообщество в условиях глобализации способствовали смене устоявшихся значений, регулирующих социальные взаимоотношения. Рефлексивная деятельность социальных субъектов обнаруживает глубокие цивилизационно-культурные "разломы", коренные изменения в ценностях российского человека, его новый образ. Вместе с тем, традиционные ориентиры, ментальные программы, встраиваясь в ткань современных ценностных систем, влияют на успешность общественных преобразований. Понять коллизии ценностных аспектов сознания россиян в условиях бифуркационного каскада возможно при уяснении теоретических оснований механизмов, факторов, а также содержательных тенденций трансформации традиционных ценностей в постперестроечный период.

Теоретические основания процесса трансформации традиционных ценностей

Под традиционными ценностями понимаются разновидности ценностей, в которых отселектирован, передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре. Эти ценности и соответствующие структуры поведения воспроизводятся почти в идентичной форме на протяжении нескольких поколений или в течение длительного времени в рамках одного общества, или в пределах регионов, имеющих в определенной степени общую культуру. Традиционные ценности существуют как устойчивая основа социальной идентичности, национального характера и культуры. Они зависят от менталитета этноса и входят в его структуру.

Поскольку ценности "вплетены" в общественные отношения и на макросубъектном уровне социальной реальности конституируют тип общества, возникает противоречие между культурой (ее центральным аспектом - ценностями) и социальными от-

ношениями. На микросубъектном уровне данная проблема проявляется в виде противоречий между разными системами ценностей (соответственно - традиционной и инновационной); ценностями-целями и ценностями-средствами; потребностями, интересами и ценностями и другими составляющими. Разрешение этих противоречий способствует трансформации социокультурной ситуации. Исторический вектор трансформаций объективно не предопределен, реализуется в ходе целенаправленного реформирования и в процессе стихийных массовых действий, как на осознанном, так и неосознанном уровнях.

Механизмы трансформаций ценностей в стабильные и кризисные периоды общественного развития имеют отличия. В стабильные периоды процесс трансформаций традиционных ценностей происходит линейно, благодаря механизмам конформизма и индивидуализации, преимущественно связан с освоением предлагаемых ценностей, основан на прошлом наследии, производится благодаря новаторству, активизации личностного начала. В ситуации стабильного развития трансформация ценностей детерминирована объектом управления, в котором ведущая роль принадлежит социальному контролю, коррекции отклоняющегося развития, благодаря деятельности специализированных групп и институтов (бюрократия, образование, воспитание и проч.). В нестабильные периоды общественного развития (прежде всего, во времена радикальных социальных перемен) этот процесс идет нелинейно, не имеет заданного направления изменения, связан с социальной адаптацией, в процессе которой осуществляется целенаправленный и непреднамеренный поиск и выбор способов действий, соответствующих меняющимся условиям и нормам.

Механизм трансформации традиционных ценностей в разные фазы кризисного периода разворачивается по схеме: фазе социальной дезинтеграции присущи сомнения в ценностях и их значимости; в фазе бифуркации открываются варианты: возврат к традиционным ценностям или отказ от них, выбор новых или комбинация этих вариантов; для фазы мобилизации сил характерны активность в формате доминирующих ценностей, преобладание позиций индивидуализации, самоопределения.

В ходе такого движения происходит трансформация ценностей, образуется новый баланс традиционных ценностей и новаций, что способствует решению имеющихся противоречий, успешной адаптации акторов к социальным условиям. Завершение кризисного периода, стабилизация социальных условий сопровождаются институционализацией изменившихся ценностей, закреплением их в качестве регулярных и долговременных социальных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью важных для общества норм. По-новому интегрированное в пределах самоидентификации качество ценностей выстраивается на основе ее максимальной адекватности и сбалансированности с новым типом социальности, порождая потенциал новых противоречий, новой подвижности.

Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период

Период до 1996 г. Распад Советского Союза был пиком противоречия между социокультурным состоянием и социальностью, которое не могло быть преодолено в рамках прежнего общества, и одновременно началом его разрешения. Изменение базовых ценностей россиян, как показывают социологические исследования, шло просто. Разрушение старых структур на рубеже 1990-х годов явилось результатом политических решений, которым предшествовали сомнения в целесообразности существующих ценностей, спонтанная переориентация на новые нормативные модели.

Тотальная критика своего, прошлого, идеализация чужого, будущего, смена привычных ценностных значений порождают в переходный период социальное беспокойство, повышают агрессивность, раздражительность, внушаемость людей, усиливают аномию, кризис идентичности; возможен прорыв на поверхность сознания индивидуальных бессознательных проявлений и архетипов коллективного бессознательного, архаизация общественного сознания. Все это некоторое время играет роль компенсации, защиты от нарастающей неопределенности.

В первые постперестроечные годы традиционные духовные ценности оставались доминирующими. В условиях обострившегося кризиса рейтинг многих из них имел защитную динамику в сторону повышения.

На уровне повседневных интересов людей на первом месте стоят заботы о твердом, пусть небольшом заработке и достижении уверенности в завтрашнем дне (по данным Ю.А. Левады, 45% опрошенных в 1989 г. и 54% в 1994 г.) [1, с. 219]. Много работать и хорошо зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее, были готовы в 1989 г. 27%, а в 1994 г. - 23% опрошенных. Иметь же собственное дело, вести его на свой страх и риск соответственно - 9% и 6% [там же]. Повышаются требования и ожидания государственной поддержки. По данным ВЦИОМ, в 1990 г. 10% опрошенных выражали готовность пойти на некоторые жертвы ради государства, 58% требовали большей заботы государства, 23% полагали, что не государство, а сами люди должны проявить инициативу и позаботиться о себе, затруднились ответить - 9% [2]. Преобладающая линия поведения людей - ожидания государственных гарантий.

В исследованиях РНИС и НП зафиксированы ценности-лидеры - комфортность внутреннего мира человека и его микромира: спокойная совесть, семья, интересная работа (декабрь 1992 г. - за спокойную совесть и душевную гармонию высказались 84,3% опрошенных). В числе ценностей-аутсайдеров - власть, признание, успех, относительно небольшая значимость ценностей материального характера [3].

Аналогичные тенденции обнаружились во всероссийских исследованиях, проведенных Центром исследований ценностей при Институте философии РАН "Наши ценности сегодня" в 1990 г. и "Динамика ценностей населения реформируемой России" в 1993-1995 гг. (рук. Н.И. Лапин) [4]. К числу одобряемых и одновременно интегрирующих ценностей относились: самоценность жизни, свобода, забота о ближнем и слабом, взаимопонимание, равноправный диалог, спокойная совесть. К отрицаемым: самовольное лишение жизни другого человека; жизнь для себя, не для потомков; благополучие прежде свободы; равенство доходов; борьба до победы над оппонентами; власть над другими людьми.

Одновременно возникает стремление к восприятию новых символов и значений. К середине 1990-х годов ценностное сознание россиян прорывает значительный путь к модернистским ориентациям при отказе от некоторых традиционных ориентиров (на 8-10% произошел рост ценности свободы, независимости, инициативы при одновременном снижении ценностей традиционных обществ - самопожертвование, следование традиции, вольность).

На стадии бифуркации при скачкообразности социальных изменений, закономерной минимизации возможностей управленческого регулирования социокультурными процессами общественное сознание вышло на такой режим самореференции, при котором оказалось максимально открытым влияниям извне. В нем отрабатываются новые правила взаимодействия и ценностные образцы. По мысли А.С. Ахиезера, в ситуации неопределенности, повышенной открытости общества Россия пытается обрести за счет внутреннего хаоса новые программы жизни, "начиная от попыток использования кажущихся положительно значимыми элементов внешнего социального мира и заканчивая подражанием целым внешним системам..." [5, с. 2].

1996-1998 гг. Разработки материалов социологических служб, как общероссийских, так и региональных, дают основания полагать, что к началу этого этапа Россия в целом прошла через одну из нижних точек кризиса.

В пик бифуркации общественное ценностное сознание резко изменило свое состояние, приобрело новый вектор движения. Процессы саморегуляции, направленные в этот период на снятие энтропии, упорядочивание структур, создали режим максимального обслуживания процессов адаптации к новым социальным условиям, мобилизовали активность в формате "выбранных" доминирующих ценностей (имеющей в этот период идеализированный характер), усилили процессы индивидуализации, самоопределения.

В 1996-1998 гг. общественная трансформация сопровождалась активным размыванием традиционных для России ценностей, сопоставимым с обвалом. Формировались ценности материального, прагматического характера, индивидуализма (по данным Б.П. Шульгина, рост индивидуалистической модели отношений составил до 30% [6]) с одновременным интенсивным вытеснением духовно-нравственных ценностей российского менталитета. Население в эти годы сосредоточивается на проблемах индиви-

дуального выживания, освоения рыночных механизмов для поддержания своего существования. Если в первые годы реформ $\frac{2}{3}$ населения отдавали приоритет ценностям свободы над ценностями материального благополучия, то с 1996 г. более половины населения страны стали оценивать материальное благосостояние значительно выше ценностей свободы [3].

В этих условиях весьма распространенным стал инновационный способ социальной адаптации, описанный Р. Мертоном, акцентирующий акторов на цели-успехе. Он заключается в использовании институционально запрещаемых, но нередко эффективных средств достижения богатства, власти или их подобия. Такое поведение трансформировало ценностные основания адаптирующихся субъектов.

У части населения наблюдается противоположный способ адаптации (в терминологии Р. Мертона - ритуализм), направленный на понижение целей-успеха при возможности быстрой социальной мобильности. Среди мотивов этого типа поведения: отсутствие материальных и властных ориентаций, безынициативность, боязнь "высунуться", боязнь риска, нежелание менять рутинный порядок, угроза увольнения, противодействие инновационному поведению и др. Адаптации способствовали формы психологической защиты: эскапизм (Э. Фромм), агрессия, сублимация, регрессия (З. Фрейд) и др.

В разных социальных группах в зависимости от успешности адаптации происходит трансформация смыслового содержания ценностей. Так, для одних приватизация - легитимный способ приобретения собственности, для других - стяжательство, разграбление богатства народа; свобода трактуется как воля или совокупность прав и обязанностей. Ориентация на западные ценности способствовала большему успеху и социальной адаптации, понижая уровень диссипативной энергии. По данным исследований РНИС и НП, проведенным в Московском и Центрально-Черноземном районах, в продвинутых регионах уровень диссипативной энергии понижается, проявляются контуры новой организации. Успешности адаптации в регионах по-разному способствуют отдельные ценностные доминанты [3].

Московские респонденты демонстрируют ориентации на собственные силы, индивидуалистические ценности, близкие к западному менталитету; неприятие жесткой авторитарной власти, большую значимость ценности свободы (как набора определенных политических прав), отстаивают свободу СМИ, в большей степени проявляют настрой на развитие страны по пути рыночной модернизации. Респонденты Центрально-Черноземного района имеют преимущественно патерналистско-конформистские ориентации, уравнилельные тенденции, ориентиры на общество равных доходов. При этом они обнаруживают толерантное отношение к людям, разбогатевшим за годы реформ. Для населения данного региона достаточно значима свобода, трактуемая как воля, как возможность быть самому себе хозяином. Выражена потребность в сильном лидере, жесткой руке. В целом ценности близки к традиционалистским. Пласт традиционализма сохраняется в общественном сознании, не исчерпывает себя полностью, выполняя функции защитного механизма, создающего ощущение некоторой стабильности.

В результате трансформации ценностного сознания установилось новое соотношение традиционных ценностей и новаций в многомерном ценностном пространстве. Выраженный вектор в сторону модернизации ценностей способствовал разрешению имеющихся противоречий, успешной адаптации к социальным условиям, целедостижению, восстановлению социальной и личностной идентичности, ее позитивного образа, некоторой стабилизации социальной ситуации.

Однако разрешение противоречий этого периода латентно порождало новую дисфункциональность. Стихия рынка, либеральной политики, социальная поляризация общества, торжество потребления, медленное становление основ гражданского общества, дифференциация идеологического поля, интеллектуальная слабость проработанности реформ, компенсируемая выгодными для защиты корпоративных интересов правящей элиты демократическими декларациями, манипуляциями массовым сознанием, не могли не изменить когнитивные и оценочные структуры сознания, не навязать обществу новое видение социального мира. Было осознано, что выход из системного социального кризиса, в котором оказалась Россия, невозможен путем верхушечного реформирования старой общественной системы, одновременно нарушение интеграции может провоцировать утрату механизмов и закономерностей развития. Резкое отклонение от базовых принципов российского менталитета, помогая выживанию в конкретных услови-

ях, далеко не всегда способствовало успешной адаптации, одновременно уводя от подлинных критериев нравственности, влекло к новому хаосу.

Западные ценностные ориентиры, тонко встраиваемые во внутренний мир россиян (например, как решение конкретных задач: повышение самооценки, снятие неуверенности в своих силах и пр.), в совокупности с другими факторами довольно легко повлияли на кардинальную смену доминирующих критериев отношения к себе и другим, к себе и группе, сконструировав индивидуализм (зачастую без производства индивидуальности) и эгоизм.

Доминирующие ценности выживания, частная психология не скрепили общество. Новый индивид стал источником его фрагментарности, утрачивает контроль над социальными процессами, способность к планированию и достижению долговременных целей, что усилило его незащищенность. В "индивидуализированном обществе" (З. Бауман) небезопасность и неопределенность поддерживаются новым типом индивидуальности, разрывают связь времен и поколений, создают "общество риска".

Социальные условия способствуют легкому формированию притязаний, которые не всегда соответствуют реальным возможностям. Формируемая мотивация не всегда подкрепляется умениями, работоспособностью, волей, наконец, пониманием, что без постоянного труда невозможно достичь желаемого результата. Получившая широкое распространение технокультура как форма массовой культуры и потребительского общества становится доминирующей, колонизирует повседневную жизнь, трансформирует политику, экономику и социальные отношения.

Рационализация жизненного мира видоизменила коммуникативное действие. Осознана необходимость технологического подкрепления социальных процессов, социальных и межличностных взаимодействий. Однако нередко необеспеченные ценностным подкреплением технологии формируют мощный акцент на потребностях, соответственно запросах - научить (научиться) уговорить, обыграть, сманипулировать, обмануть.

Получили поддержку и развитие во всех сферах жизнедеятельности презентационные ценности. Скромность как нравственное качество обесценилась. Декларируемые при этом открытость, честность нередко являются тем же технологическим обеспечением, инструментом достижения целей. Сложился приоритет целерациональных моральных ориентаций над ценностно-рациональными. Распространившееся "технократическое мышление" не является синонимом разума, который предполагает оценку способов деятельности в соответствии с основными человеческими ценностями. Современная технология, представляемая нейтральной, на самом деле является методом контроля и господства над индивидами, вновь сводя на нет внутреннюю свободу субъекта.

В аналогичном ключе даются оценки этих проблем В.А. Кутыревым [7], А.С. Панариным [8]. В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов уверены, что "мораль - итог социокультурной динамики, а не манипуляций с помощью логической дидактики" [9, с. 10]. Высказывается беспокойство, что устанавливаемый в результате активного применения технологий порядок оборачивается, в конечном счете, еще большим беспорядком, подчеркивается недостаточное участие интеллигенции в процессе адаптации вырабатываемых ценностей к условиям российской жизни, в соединении их с традицией [10].

Трансформации ценностей присущи не только нынешнему обыденному сознанию, но и научному; в немалой степени они инициированы самой наукой. Российский кризис усилил процессы дифференциации, общую тенденцию радикализации социальности и наук о человеке и обществе. Так, В.Е. Кемеров, говоря об исчерпанности натуралистических методик организации социальной практики и построения социальной теории, на наш взгляд, во многом прав, утверждая, что пришедшие им на смену феноменологические и коммуникативные модели, преодолевая натурализм, вернули обществу его социально-индивидуальное измерение, но не смогли работать ни в качестве практических, ни в качестве теоретических "интеграторов" социальности [11]. По утверждению О.Н. Козловой, происходит драматичный, хотя и неизбежный с точки зрения логики акт разворачивания духовной жизни современного общества, с точки зрения стратегически рассмотренной цели самосохранения человечества - возвращение внимания человека к обществу, сворачивание внимания к самому себе как самостоятельной, неповторимой индивидуальности за счет разворачивания зоны ответственности в социальное пространство, в сферу социальных взаимодействий [12, с. 123].

Неудовлетворенность доминированием в массовом сознании гедонистических ценностей позволила глубже понять мысли П.А. Сорокина, который, констатируя начало распада чувственной суперсистемы, переход к идеациональной или идеалистической фазе, писал: "...Очистившись от трагедии страданием и расятием, люди снова обратятся к разуму, к вечным, непреходящим, универсальным и абсолютным ценностям" [13, с. 810].

После 1998 г. Изменения в ценностях, происшедшие в 1996-1998 гг., поставили вопрос: имеют ли они ситуативный или долговременный характер, способны ли вернуть доминирующие ценности на исходную позицию в иных общественных ситуациях?

На протяжении 1990-х годов ожидания россиян, связанные с положением дел в стране, носили более пессимистический характер, чем ожидания личных (семейных) перспектив. После дефолта 1998 г. появляется еще одна психологическая проблема - массовый страх (по данным исследований РНИС и НИ, его обнаруживают 90% опрошенных). Боялись за будущее своих детей, остаться без средств существования, заболеть и остаться без лекарств и необходимой медицинской помощи, без работы и т.п. Обострилось ощущение непрогнозируемости, неопределенности жизни. "Самый тяжелый вид неопределенности - неопределенность окончания неопределенности" (В. Франкл) - способен порождать серьезные психологические проблемы у людей вплоть до массовых депрессий, неврозов и психозов. Риски, по замечанию У. Бека, становятся уделом, прежде всего, малоимущих. Однако модерн производит не только новые риски, но и новые рефлексивные способности, позволяющие минимизировать данные риски. В таком обществе сознание определяет бытие. Наиболее вероятными стратегиями выхода из этих условий могут быть либо дальнейшая глубокая общественная деградация с неконтролируемыми эмоциями суженного сознания в виде впадения населения в депрессивное или в агрессивное состояние по поводу неудовлетворения базовых потребностей, либо спокойное целостное осознание ситуации, разумный конструктивный прорыв из нее.

С 1998 г. начинается новый этап трансформации базовых ценностей россиян, ценностные аспекты сознания приобретают новое качество за счет значительного расширения предпочтений традиционных ориентиров. Они начинают выступать в качестве духовной компенсации дефицита жизненной справедливости и материального достатка. Неравносность социокультурных процессов в нестабильном российском обществе спровоцировала очередную бифуркацию в массовом сознании, которая способствовала выбору дальнейшего пути развития, "направляя" движение к состоянию равновесия.

В 1999 г. в российском обществе фиксируется угасание последефолтовых состояний страха и отчаяния; люди освобождаются от чувства озлобленности на происходящее. После ряда лет аморфной власти они увидели результативность действия руководства страны в решении военно-политических задач, по современной выплате зарплат и пенсий. Повысились рейтинги доверия президенту, органам власти. В 1999 г. значимость спокойной совести вновь обрела 94% приверженцев, достигнув уровня начала 90-х годов. $\frac{2}{3}$ опять отдадут приоритет свободе, но $\frac{1}{3}$ выше ценит в жизни материальное благополучие. Возросла значимость равенства возможностей, интересной работы, яркой индивидуальности, отчасти - политических прав и свобод. Согласно анализу Б.П. Шульдина, удельный вес индивидуалистической модели отношений снизился уже в 1997 г. до 20-22%, коллективистской - возрос до 45-47% [6].

Новые сдвиги в динамике базовых ценностных ориентации в "снятом" виде вернули отличительные ментальные черты россиян, вполне органично интегрировав их с модернизационными ценностями. Сработала жизнеспособность переходных систем: традиция не сдает своих позиций, обнаруживает сложнейший процесс адаптации "неуловимых и неощутимых" ценностей, символов, смыслов, культурных кодов. При столкновении с современностью традиционные ценности пересматриваются с целью удовлетворения новых потребностей, а современные институты трансформируются в процессе приспособления к национальной традиции.

Активизирующаяся роль традиции в процессе модернизации направлена на создание механизмов интеграции, поскольку лишь они обеспечивают стабильное развитие общества. Одновременно креативная составляющая традиции обуславливает способность культуры генерировать новации, которые могут быть восприняты обществом на данном этапе своего развития. В подобном творчестве задействуются не только рациональные способы трансформации, но и архаические пласты сознания, подсозна-

ние, интуиция, позволяющие целостно увидеть мир в его пространственно-временной перспективе. Самоорганизующиеся процессы взаимодействия традиции и новации способны создать резонанс, в процессе которого замена определенных содержательных составляющих происходит без слома архетипического стержня.

Рост саморефлексивности социальных субъектов стимулирует понимание приоритетности социального целого, важности способности людей оценивать себя не с позиции отдельных других, но с точки зрения обобщенного другого, а при наличии разных систем ценностей - с позиции обобщенных других.

Проведенный анализ позволяет предположить, что трансформации традиционных ценностей россиян имеют специфический алгоритм, особую последовательность фаз движения:

1. фаза усиления значимости традиционных ценностей в процессе их первичного взаимодействия с ценностными новациями при нарастании социальной дезинтеграции и аномии;

2. фаза бифуркации, в которой открываются основные возможные варианты дальнейшего пути развития, выбора ценностей;

3. фаза инновационного движения в ценностях, связанная с социальной адаптацией, со снятием остроты прежних проблем;

4. фаза новых противоречий между культурой и социальными отношениями;

5. фаза определенного "отката" к традиционным ценностным основаниям в многомерном нелинейном ценностном пространстве. В результате такого движения формируется новый тип общественного сознания посредством дифференциации и интеграции, взаимопроникновения ценностных систем.

Трансформации ценностей в постперестроечный период происходят за счет изменения соотношения и состава ценностей в общественном сознании, их содержания, появления нового смысла при сохранении вербальной формы.

В настоящее время в России довольно ярко выражены ценности: а) тяготеющие к постиндустриальной индивидуалистической модели западного типа (25-30% населения), б) связанные с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеющие к патриархально-коллективной модели (35-40%), в) обладающие противоречивым типом ценностного сознания (30-35%) [3, с. 363]. В последнюю группу перемещаются прежние носители индивидуалистических ценностей, из нее пополняется часть населения, которая привержена традиционалистским ценностным ориентациям. Как показывают исследования в Ульяновской области, проведенные в период стабилизации в 1999, 2001, 2003 гг., ценности традиционной культуры преобладают, однако происходит постепенное усиление модернистских предпочтений [14].

В структуре ценностей общественного сознания выражены инновационная, традиционная модели, а также ценности советского периода. Во всех социальных группах идет переосмысление традиционных значений, происходит активный процесс самоопределения, обретения новых ценностно-смысловых ориентиров, интегративных символических образов. Институционализации трансформированных ценностей, закрепления их в качестве регулярных и долговременных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью социальных норм, скорее, не происходит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куда идет Россия? Вып. II / Отв. ред. *Т.Н. Заславская*. М.: Аспект-пресс, 1995.
2. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Отв. ред. *Ю.А. Левада*. М., 1993.
3. *Гориков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: РОС-СПЭН, 2000.
4. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. *Н.Н. Лапин, Л.А. Беляева*. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
5. *Ахиезер А.С.* Как открыть "закрытое" общество. М.: Магистр, 1997.
6. *Шульдин Б.П.* Российский менталитет в сценариях перемен // Социол. исслед. 1999. № 12.
7. *Кутырев В.А.* Духовность, экономизм и "после": драма взаимодействия // Вопросы философии. 2001. №8.
8. *Панарин А.С.* Смысл истории // Вопросы философии. 1999. № 9.
9. *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социол. исслед. 2003. № 5.

10. *Стетин В.С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика. М: ИФ РАН, 1996.
11. *Кемеров ВЕ.* Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. 1999. № 7.
12. *Козлова ОМ.* Участь и участие человека в духовной жизни общества [Человек как участник повседневных социальных взаимодействий в сфере духовной жизни]. Социализация индивидуальности // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 5.
13. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб: Изд-во РХГИ, 2000.
14. *Рассадина Т.А.* Нравственные ориентации жителей российской провинции // Социол. исслед. 2004. № 7.